

ФИЛОЛОГИЯ

С.Ю. Дубровина,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
доктор филологических наук, профессор

Живое слово Православия

Лексика христианских истин, Евангелия и проповеди изначально создала русский литературный язык. Литургические тексты, церковная обрядность, иконопись, гимнография, книжность – жития святых, поучения, проповеди, паремийные изречения, наставления о монашеской жизни составили богатство русской культуры и русского языка, расширив бытовавшую систему этнического мирозерцания.

Христианство поднялось над понятиями традиций и культуры, оно объединило человечество с вышним миром – миром Божьим. Литературный русский язык сформировался под влиянием апостольского наследия святых Кирилла и Мефодия. Будучи а priori авторитетным, язык Церкви был гармонично воспринят как данный свыше дар для постижения и уразумения смысла жизни. «И ради быша словени, яко слышаша величья божия своим языкомъ», – писал автор «Повести временных лет...»¹

Величайшую роль в жизни крестьянина играл храм. Постоянное посещение церкви, присутствие на службах, пение на клиросе, соблюдение уставов и праздников создало душу и мышление русского народа.

Народная речь живо воспринимала язык богослужения, сохраняя его в различных видах метаязыковой рефлексии, видоизменяя для пользователя, утверждая свои приоритеты. После принятия христианства лексический состав живого разговорного языка обогатился словами, отражающими представления о Церкви, ее устоях и заповедях. В русском фольклоре опыт веры сформировал

¹ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы XI – начало XII века / Вступит. ст. Д.С. Лихачева. М., 1978. С. 42–43.

такие интересные, богатые историческими сюжетами и христианской мифологией жанры, как библейские рассказы, духовные стихи.

Церковнославянский язык оставил глубокий след в литературном русском языке. Войдя в русский язык и став его частью, он сформировал русскую ментальность, гносеологию неземного разума, обращенного к земной жизни. Церковнославянская книжность создала русский литературный язык.

В церковных памятниках, пришедших на Русь, было сокрыто богатство сложных и тонких переживаний мистического и аскетического характера, достоинство высоких смыслов. С принятием христианства русский язык обогатился новыми, книжными элементами.

Изучение церковнославянских элементов в русском языке всегда считалось одной из важнейших задач исследования его истории. При этом почти не изучено влияние церковнославянского языка на русские диалекты.

Между тем очевидно, что приобщение народных масс к Церкви, знакомство с христианскими текстами способствовало демократизации книжного языка и проникновению в него народных элементов. На протяжении веков, обращаясь к богослужебным текстам, народ производил отбор «активных» и «пассивных» церковнославянизмов для употребления в устной речи. Христианские символы, питающие национальный язык и вошедшие в него вместе с созданием письменности, попадая в диалект и вживаясь в народную крестьянскую среду, адаптировались, приобретая специфические языковые черты диалекта.

Анализируя процесс проникновения книжного языка в живую языковую стихию, А.А. Шахматов отмечал: «Но уберечься от влияния все нарастающей этнографической среды церковнославянскому языку в его новом облики можно было только ненадолго: в самом непродолжительном времени он наводняется народными элементами, нашедшими себе надежного союзника в деловом, приказном языке, облакающемся естественно в письменную форму и вырастающем именно в ней и благодаря ей»².

² Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925. С. 12.

Церковнославянизмы переосмысляются в живой речи и передаются в народной этимологии³. Порой в бытовых ситуациях возникает ассоциативное сближение с книжным словом: *подм. Пастырь, я.м.* – надоевший, постылый человек: «Пастырь ты для меня, уходи, – так жена мужу говорит, если пьет он или еще што»⁴. Сближается фонетика прошедшего времени глагола «постыл» (*опостылеть* – надоесть) с церковным «пастырь». Слово «пастырь» – явный церковнославянизм, которому в русском языке соответствует слово «пастух»).

По поводу возгласов, призывов, завершающих молитвы слов, весьма ценно примечание В.И. Даля: «Алалá, алалúя ж. тмб., пен. Вздор, бред, грезы, чепуха, бессмыслица. Несет такую алала с маслом, что уши вянут»... Спутали в говоре с другим словом из церковной службы нашей (аллилуйя) и сами дивятся неприличию поговорки»⁵.

Сблизившись с разговорным языком, книжный язык не растратил своего богатства, не «измельчал» и не опростился, но сам стал шире, сильнее в своих выражениях, доступнее.

Проницаемость и открытость лексики как уровня системы языка позволяет ей вбирать в себя на пути своего формирования множество заимствований, формировать стилистические слои речи, включающие историзмы, архаизмы, просторечия, окказионализмы, неологизмы. Лексику вероучения, христианских истин можно назвать «церковной», но в таком случае определяется только сословно-профессиональное значение термина. Избранное нами определение «христианская лексика» шире, так как относится не только к церковным референтам, но и к семантическому наполнению, которое эта лексика привнесла в русский язык, развив, переосмыслив многие повседневные понятия (вера, слава, мир, падший, душа, царство, истина, свет, род, благо, быть, сущность, просвещать, закон).

³ Дубровина С.Ю. Народная этимология в лексике веры и церкви // Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2003. Вып. 8. С. 172–177; Ее же. Вариантное прочтение содержания языкового знака при мотивации, основанной на случайных сближениях // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 2005. № 5. С. 124–130.

⁴ Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1968. С. 337.

⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1994. Т. I. С. 25.

Христианская лексика прочно вошла в «систему систем» – литературный русский язык, став доступной не только кодифицированной системе языкового выражения, но и разговорному русскому языку. Как отмечает О.Г. Порохова, в летописях и «житейном жанре» письменных памятников «широкое распространение имеет преимущественно уже ставшая общеупотребительной церковная лексика, выходящая по существу за пределы чисто церковного языка, например, слово «рождество», «христианин»... и далее ... «причащати», «молебен», «рай», «архангел», «псалом», «моление», «христороубы», «праведник» (большая часть Есиповской, Ремезовской летописей); «амвон», «диптих», «митрополия», «архидиакон» (последние главы Толстовского списка); «церковь», «синодик», «христианин», «молитва», «святой», «православный» («Есиповская летопись»)⁶.

Воронежская исследовательница В.Ф. Филатова замечает, что «наименования церковных обрядов и таинств вошли в народную речь» и называет лексемы повседневного обихода – *благословлять, обрुчатся, обедня, вечерня, свечи ставить, лампадку зажигать, ладаном кадить, Евангелие выносить, плащаницу выносить, сенишная, говеть, моление, молитва, питимью наложить, исповедаться, каяться, канун, креститься (крест положить), кропить святой водой, молебен служить, освятить* и др.⁷.

Сформировавшийся в области ратификации христианства языковой паритет мы оцениваем следующим образом.

Церковнославянский язык всегда был и остается безукоризненным в отношении догматики православия, формировавшей духовные ценности многих поколений русских людей разного сословия и образа жизни.

Но и «язык народного православия», характерный для крестьянского сословия и простых слоев населения, не следует считать искаженным церковнославянским языком. Это русский язык в его диалектном «изводе», вобравший в себя церковнославянизмы с одновременной транслитерацией культурной семантики.

⁶ Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей XVII века: Дис. канд. филол. наук. М., 1952. С. 400, 401.

⁷ Филатова В.Ф. Акциональная церковная лексика в составе обрядовой (на материале говоров восточной части Воронежской области) // Лексический атлас русских народных говоров. 1995: Материалы и исследования. СПб., 1998. С. 80–81.

Церковные слова давно стали достоянием литературного русского языка. Заимствования обрусели, и многие слова, подвергнутые когда-то транспозиции, уже на протяжении многих веков воспринимаются только в этом, транспозитивном, значении. Гречизмы воспринимаются как старославянизмы и составляют высокий стиль русской литературы.

С другой стороны, на первом этапе становления русского языка праславянская семантика слов изменялась под влиянием церковнославянского. В результате эволюции новые «христианские» семантики прочно утвердились в русском языке и сосуществуют с исходными. Поясним сказанное на примерах.

Общеславянское *jъstь (истый), давшее жизнь существительному «истина», известному в древнерусском, украинском, болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, древнепольском⁸, в современном русском языке обладает семантикой экзистенциальности («истина» – «то, что существует в действительности, отражает действительность; утверждение, суждение, проверенное практикой»⁹), но в то же время известно и в связи со значением, пришедшем из церковнославянского, в котором истиной называется христианское учение (Огласит их словом истины!). Ср. «святая истина», «повторять старую истину»¹⁰.

Праславянское «слава» было переосмыслено под влиянием переводов с древнегреческого и молитвы «Слава:» (ср. греч. δόξα σοί, ο θεός ημων, δόξα σοί «Слава Тебе, Боже наш, слава тебе!») и в русском языке составляет семантический узел с «парящим» над всеми смыслами словом «Бог»: ср. разговорное *не слава Богу*, (*Опять у него дома что-то не слава Богу* – неблагополучно)¹¹.

Как мы видим, в итоге сосуществования генетических и христианских значений возникло языковое явление, которое можно назвать «взаимодополнительной дистрибуцией семантик праславянских слов: генетической и церковной».

Христианское знание диалекта питалось книжным русским языком. Впоследствии, в эпоху интеграции территорий и разви-

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1986. Т. II. С. 142.

⁹ Ожегов С.И. Словарь русского языка // Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987. С. 221.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 632.

тия коммуникаций, на диалект стал оказывать огромное влияние русский кодифицированный язык.

Как известно, эпоха «чистого диалекта» – просторечия, обслуживающего исключительно узус конкретной местности, давно миновала. На протяжении по крайней мере всего XX века под «местным языком» подразумевается диалект, сопряженный с большой долей привнесений из общеразговорного и кодифицированного литературного языков. Литературные образцы речи, информативный язык прессы, радио, средств массовой информации в настоящее время составляют основную лексическую часть говоров.

Исходя из современного состояния диалектных систем в целом, уверенно можно говорить о литературном русском языке как основном источнике формирования христианской лексики для диалекта. По отношению к церковно-славянскому языку это будет вторичный источник, посредник, воспринявший систему нравственных ценностей христианства от своего книжного, переводного предшественника.

Рассматривая соотношение христианской лексики в разных языковых системах, мы должны отдавать себе отчет в том, что область выражения религиозных смыслов находится в пределах кодифицированного литературного языка и разговорной речи, составляющих «систему систем» – русский язык.

Термины «кодифицированный литературный язык» (КЛЯ) и «разговорная речь» (РР) были дефинированы в известной коллективной работе «Русская разговорная речь» (1973), где они противопоставлены как различные языковые системы, функционирующие в одном и том же языковом коллективе. При этом под разговорной речью предполагается любая речь в устной форме, любая речь городского и сельского населения, бытовая речь носителей литературного языка, содержащая в себе фактор непринужденности. «Понимая указанным выше образом непринужденность речи, – пишут авторы работы, – мы считаем, что РР обслуживает частную, неофициальную сферу общения, что оппозиция общественной сфера // частная сфера соответствует разграничению КЛЯ и РР»¹².

¹² Русская разговорная речь / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1973. С. 5, 23.

Адаптированная часть церковнославянского языка входит в диалекты через посредство русского литературного языка. Христианская лексика в диалектах вовлекается в языковую систему каждого из говоров с учетом присущих ему особенностей.

Стремясь к своему генетическому источнику, христианская лексика в диалектах выполняет консолидирующую функцию, сближая диалекты с русским литературным и церковнославянским языками.